Эта история началась больше 60 лет назад, в конце 50-х годов XX века. В один из февральских вечеров, когда на улицах засыпающего села Татарские Юнки Торбеевского района со свистом завывала и кружила снег метель. В самом центре села, в одной из избенок в окно, покрытое затейливыми морозными узорами, с нетерпением всматривался темноволосый мальчуган лет десяти. В вечерней темноте он пытался первым увидеть бредущую к дому фигуру, чтобы встретить у порога долгожданного гостя. Несмотря на жарко натопленный дом, мальчик был тепло одет: в потертую, но еще крепкую, шубейку, заячью шапку растопыренными в разные стороны ушами и толстые, ватные штаны. На одной его ноге красовался валенок, а на второй был лишь шерстяной носок. И было непонятно, кого он мог ждать в этот февральский вечер, когда хороший хозяин пса на улицу не выгонит? Совсем неподходящим для прогулок был и крепчавший к ночи мороз, которым еще грозила уходящая зима. Вот он что-то увидел! Через круглое отверстие в морозных узорах, которое мальчуган растопил своим дыханием, он кого-то увидел. В массивном, до пят овчинном тулупе, похожем на вставшего на задние лапы медведя, к дому шел человек. В руке у него был посох, а за спиной спряталась небольшая котомка.

- Мяхмуть-бабай! - громко закричал мальчишка, пугая неожиданным вскриком и склонившуюся над вязаньем маму, и подшивавшего пятку валенка отца. - Мяхмуть бабай килә! - на одной ноге он допрыгал до отца и стал просить второй валенок. - Әти, бир итек! - в нетерпении заклянчил он обувку. - А то Мяхмуть-бабай китәр!

Отец на это улыбнулся и, перерезав нитку ножом, наконец, отдал ему валенок. Получив желанное, мальчик тут же натянул его на ногу. После чего тут же застыл у порога, ожидая гостя.

- Исәнмесез, - с порога прогудел вошедший, едва только открыл дверь и внутрь дохнуло морозным холодом. - Ищек янында тордын? - добродушно пошутил он, потрепав мальчишку по плечу. - Алай, киттек.

Перекинувшись парой слов с хозяевами, Мяхмуть-бабай открыл дверь, вышел из дома. Следом, вскинув на плечо котомку с небольшим кувшином, выскочил и мальчик. От тут же защипавшего щеки мороза он посильнее натянул шапку и поспешил за ушедшим вперед гостем. С трудом пробираясь по заметенной снегом тропке, он догнал его лишь у дороги.

- Малай, бире кил, - Мяхмуть-бабай ждал его у колодца, небольшой бревенчатый сруб которого едва возвышался над большим пушистым сугробом. - Чыгар кувшинны. Хазер ары су салабыз.

Мальчуган с сопением стащил со спины котомку и вытащил оттуда кувшин.

Мяхмуть-бабай тем временем вытащил из колодца покрытой коркой льда деревянное ведро и щедро плеснул блестевшей в свете луны воды.
- Яп яхшы гына, - он осторожно опустил ведро и закрыл зево колодца крышкой. - Бу беренче кое... Әлдә алты калды.
Им еще предстояло посетить шесть колодцев, раскиданных по всему селу и из каждого набрать немного воды, которую в доме с почтением и особой осторожностью спрячут в подпол.
…В этой небольшой зарисовке рассказывается об одном интересном, но, к сожалению, практически забытом обычае, который издавна практиковали в татарских селах нашей республики. Суть его состоит в следующем. Поздно вечером, предшествующем ночи Рагаиб, дня памяти о свадьбе родителей пророка Мухаммада, мулла вместе с некоторыми жителями села обходил семь колодцев или родников, из которых с чтением молитв наливал воду в приготовленные сосуды. Затем сосуд с водой из семи колодцев или родников убирался в прохладное темное место и доставался только в особых случаях. Такая вода, подобно воде из колодца в г. Мекке под площадью аль-Харам, наделялась татарами целительной силой и называлась водой Зам-зам. Воду пили, ею омывали больное место, протирали прыщики и царапины. Считалось, что такой ритуал приносил заболевшему сначала облегчение, а потом и выздоровление.
О возникновении этого обычая не сохранилось почти никаких свидетельств. В памяти сельских жителей остались лишь воспоминания о самом действии: посещении колодцев, читаемых при наборе воды молитвах, особенностях использования такой воды. В то же время глубокое содержание самого ритуала нам косвенно подсказывает ответ на вопрос о том, что лежит в его основе. Опираясь на знание истории татарского народа, его традиций и жизни в условиях республики, здесь можно увидеть много знакомого: и давние представления предков татар об особой живительной силе воды, и почитание родников и колодцев; и мусульманские взгляды на священную воду из источника Зам-зам; и священный для многих народов символизм цифры семь. Если вникнуть еще глубже, то нельзя не отметить некоторое сходство обычая с христианской традицией набора освященной воды в праздник Крещения.
Пример стирания из памяти обычая сбора воды из семи колодцев (источников) очень характерен для сегодняшнего дня, когда становится все сложнее сохранять знание о своих корнях, предках и национальных традициях. Причиной этого, как ни печально осознавать, является потеря интереса к своим корням: истории своей малой Родины, своего народа и своих предков.

Руслан Агишев,
кандидат социологических наук